

Елена Самогаева

Саратов — Париж

Авантюрный роман

Елена Самогаева
Саратов – Париж.
Авантюрный роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55732825

ISBN 9785449895844

Аннотация

Хотите выйти замуж за олигарха? Тогда немедленно пакуйте чемоданы! Самые невероятные приключения и сумасшедшие авантюры ждут ту, которая не боится покинуть тихий Саратов и отправиться за счастьем в Париж!

Содержание

Саратов – Париж	5
Роман	5
Глава 1	6
1	6
2	14
3	21
4	28
5	33
6	40
7.	52
8	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Саратов – Париж **Авантюрный роман**

Елена Самогаева

© Елена Самогаева, 2020

ISBN 978-5-4498-9584-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Саратов – Париж

Merci à Tatiana Zaytzeva...

Роман

Глава 1

1

Россия, Саратов, май 2018 года

Май бурлил, словно разбуженный муравейник. Воздух был как песня, легкий и чистый, наполненный ароматами свежего кофе и булочек, продающихся в летних кафе неподалеку от площади Чернышевского. Сам знаменитый и всеми давно забытый писатель и философ, в честь которого была названа одна из самых красивых площадей Саратова, молчаливо взирал со своего бронзового пьедестала на резвую толпу молодняка, болтающегося по весенним улицам. Тонные фонари постепенно зажигали свои огни, словно маяки, сигнализирующие о начале ночных приключений. То там, то здесь мелькали пятна разноцветных шифоновых шарфиков, курток, ветровок, выделяя своих хозяек среди прочей толпы.

Было еще достаточно далековато от дома, но Валентина решила, что спешить все равно некуда. Лучше всего пройти по Немецкой улице вверх, затем свернуть на скамейку, мимо помпезно застывших манекенов в витринах, а затем немного передохнуть. Там, в тени маленьких двухэтажных домишек, сидя на скамейке в закрытом дворике, можно ти-

хо, никому не мешая, поразмышлять.

Валентина давно уже не была юной девочкой, и хорошо разбиралась в людях. Ее шарф, весь в розовый цветочек, подаренный забытым бывшим женихом, возможно, добавлял к ее строгому образу немного романтизма и портил все впечатление. Она смотрела вокруг себя совсем не наивными глазами, – на расплывающиеся перед глазами витражи магазинов, мелькающие автобусы, суетливых прохожих, – и, тем не менее, ей казалось, что пространство вокруг нее – это чей-то холст, а написанный по нему серыми пятнами мир придуман, и не существует в реальности. Ее мысли были отражением ее деятельности.

Все потому, что Валентина работала хранителем в Малой Третьяковке, так по крайней мере, за глаза называли Саратовский музей имени Радищева, где были собраны уникальные картины различных эпох. Музей этот, стоящий в центре города, всегда был гордостью саратовцев, учитывая, что основан он был еще в девятнадцатом веке. Больше того, он был первый в провинции, когда в других городах вне столиц музеев еще не было. Валентина, начиная свои экскурсии по залам живописи, всегда говорила об этом посетителям. И добавляла, особенно иногородним, о том, что Грибоедов, написав про «деревню, тетку и глушь» был сильно неправ, если не сказать больше.

Несмотря на кажущуюся эпоху нестабильности, всегда находились ценители настоящего искусства даже в таких ма-

леньких городках, как Саратов. Валентине нравилась тишина и умиротворение залов, мерцание дневного освещения и легкий шепот удивленного посетителя. Она была счастлива в своем маленьком мире, созданной ей самой — история картин завораживала, мечты о прошлом, запечатленные в них поражали воображение. Но счастье не всегда бывает безоблачным. Иногда приходится чем-то жертвовать...

– Надо сейчас сесть на скамейку, как и планировалось, и хорошенько подумать о том, что произошло.

Она сказала эту мысль вслух, как делала всегда в экстренных случаях, когда мысли одна за другой одолевали ее. Да, возможно, ей снится странный сон, и она сейчас проснется и поймет, что в реальности такого быть не может... Наконец, нужная скамейка, неподалеку от детской площадки, найдена. Валентина, подобрав длинный подол своего любимого фиалкового платья, уселась на нее с наслаждением и только сейчас поняла, что устала. Сегодня был тяжелый день...

Итак...

Утро сегодняшнего дня было совсем не примечательным. Как всегда, в восемь пятьдесят, ее стремительные ноги, обутое в маленькие замшевые туфельки, пронесли мимо вахтерши, стуча каблуками. Затем она прошла в мемориальный зал, заглянула во все уголки, и, шурша легким шелковым платьем, как героиня стихов Блока, остановилась у портрета Алексея Боголюбова¹. Сжимая в руках палитру и кисти, он

---

¹ А. П. Боголюбов – художник – маринист, основатель саратовского художе-

пристально и строго смотрел на Валентину. Девушка почувствовала легкий укол совести, но превозмогла себя, и отвела глаза от его пронзительного взгляда. Она молча вздохнула, поправила волосы, смахнула с лица пару непослушных прядей, выбившихся из прически, печально вздохнула и отправилась дальше.

С самого утра у нее была экскурсия по нескольким шедеврам Тропинина. Она говорила с большим вдохновением, умело расставляя акценты. Валентина могла точно сказать, если бы понадобилось кому –нибудь, что этих двоих нагловатых парней вначале экскурсии в этой группе не было.

Они появились внезапно, из ниоткуда. Ей даже на несколько мгновений показалось, что эти двое молодых людей слегка подвыпили. Но затем она заметила, что скорее, эти парни просто в хорошем расположении духа, – они оба громко шутили, шумно удивлялись и вообще, вели себя во все не как в музее искусств, а на какой –нибудь вечеринке. Такое поведение всегда глубоко оскорбляло Валентину, когда она видела людей с подобным типом поведения. Странно, что зрители, скромные тихие бабушки, восседающие в каждом зале на стульчиках, не сделали им замечание.

Затем произошло еще более удивительное. Один из парней, державший в руке какой – то сверток, завернутый в бумагу, после экскурсии отозвал Валентину и в сторону и таинственно произнес:

– Мадмуазель, я хотел бы обсудить с вами кое – что...

Она заметила его необычный акцент, но не придала этому значения. Половина Саратова, а в основном это были представители бывших союзных республик, говорили с подобным акцентом. Парень смахивал на кавказца, – то же смугловатое лицо, и те же сдвинутые к переносице черные брови, из – под которых сверкали неумным зеленоватым светом глаза, с насмешкой смотревшие на Валентину. Важный вид хранителя, ее надменность и холодность ничуть не смущали его.

Она остановилась, принимая выжидательную позицию. Девушка очень надеялась, что через несколько мгновений все же справедливость восторжествует, и этот нагловатый тип, так бесстыдно рассматривающий ее, будет с позором изгнан из музея.

Она оглянулась по сторонам. Только Тропинин², добродушно взиравший со своего автопортрета, спокойно и с полуулыбкой оценивал ситуацию. Саму же Валентину распирало негодование.

– Вы... Вы... сорвали мне экскурсию, – прошипела хранитель музея, отстраняясь от незнакомцев, затем бросилась к выходу. Торопливо спускаясь по лестнице, она не заметила, как эти двое, стремительно обогнав ее, перегородили дорогу.

---

² В. А. Тропинин – русский живописец, чья коллекция картин и автопортрет находятся в коллекции музея им. Радищева в Саратове.

– Девушка, подождите, – сказал на этот раз второй незнакомец, и она обратила внимание, что у него, в отличие от его приятеля, обыкновенный московский говор. Этот второй был совсем обычный парень, с обычным взглядом, с очень даже располагающей к себе улыбкой.

Валентина остановилась, всем своим видом давая понять, что готова выслушать молодых людей разве что из вежливости, присущей всем истинно образованным людям. Она остановилась и сменила выражение лица на более благосклонное.

Через несколько минут они сидели в маленьком уютном кабинете Валентины. Хранитель была немного обескуражена и даже сбита с толку, – незваные гости, скорее походившие на распутных молодых людей, ничего не смыслящих в искусстве, оказались обладателями драгоценной картины. Однако то, что было внутри свертка, девушку удивило еще больше. Когда он был развернут, перед глазами Валентины предстал старинный лик миловидной юной девушки в парчовом платье. Она кого-то напоминала, – в этом элегантном повороте головы, в этих изгибах белоснежных плеч было что-то очень знакомое. Да, определенно эту картину она где – то видела.

– Я хотел бы передать это полотно в дар вашему музею, если, конечно, экспертиза докажет, что она имеет ценность, – сказал незнакомец с акцентом. Другой вежливо кивал, словно подтверждая каждое слово своего приятеля.

Валентина взглянула на картину, едва касаясь пальцами по поверхности. Она обратила внимание на пожелтевший холст, – такие материалы использовали как минимум в девятнадцатом веке. Да, картина определенно была талантливо написана. Краски весьма яркие и хорошо лежат, – явно работал профессионал. Но что-то все же смущало. Где же она видела эти грустные темные глаза в обрамлении белокурых волос? Она вынула холст и перевернула его тыльной стороной. Именно здесь, на обратной стороне, иногда пишут самые ценные мысли о картинах. Валентина сразу же разглядела надпись на французском:

Будь проклят тот день, будь проклят тот сад,

Где сотни алмазов как угли горят...

Где деву златую спасает дельфин,

Найдешь ты прекрасный небесный сапфир...

Но будь осторожен, низвержен с небес,

Стоит за спиной окровавленный бес...

– Простите, – немного придя в себя от удивления, произнесла Валентина. – Могу ли я знать, с кем имею честь...

Мужчина с акцентом немного смутился, переглянувшись со своим приятелем.

– Меня зовут Антон Левин, – сказал человек без акцента. —Помните, как у Толстого в романе «Анна Каренина»?

Валентина улыбнулась легкой улыбкой. «Мог бы придумать другую фамилию. Представился бы Вронским..., вооб-

ще было бы нелепо»...

– А меня зовут Андрей, – сказал второй, улыбаясь в ответ.

«А фамилию не сказал...» – подумала Валентина, пряча взгляд. Она успела разглядеть лишь красивые носы дорогих туфель этого «Андрея». Пусть думает, что она простушка и ее легко провести. А она тем временем посмотрит, что из этого выйдет.

Картину описали, оформили. Человек, назвавшийся Антоном Левиным, предоставил паспорт, оказавшийся действительно Антоном Левиным. Валентина сморщила хорошенький нос и красноречиво взглянула на молодого человека. К счастью, второй, назвавшийся Андреем, ничего не заметил.

2

Россия. Саратов. Май, 2018 г.

Несколько часов общения с этими молодыми людьми вызвали у Валентины приступы нервного кашля. Нет, нельзя сказать, что они оба были нудными или плохими собеседниками. Напротив, оба они были чрезвычайно интересными и располагающими к себе людьми. Валентина не сразу заметила, что один из них, представившийся Андреем, как – то странно смотрел на нее. Под этим взглядом пронзительных глаз она казалась себе маленькой девчонкой, а не серьезным ученым, изучающим картины русских художников первой половины восемнадцатого столетия.

Вскоре мужчины испарились, словно их и не было, но Валентина весь день не могла избавиться от неприятного осадка этой встречи.

– Что тебя так задевает? – спросила Валентину подруга, а по совместительству коллега, ближе к вечеру, когда рабочий день клонился к завершению.

– Не знаю, – ответила хранитель, – я не понимаю, почему он так смотрел на меня... Будто я ничтожество. Меня это и задевает...

– Он – это который?

– Тот, который брюнет. С этими ужасными зелеными гла-

зами...

– По- моему, он смотрел на тебя вовсе не так. Он просто любовался тобой, не отрывая глаз...

– Скажешь тоже... у него глаза, как два ножа... удивительно неприятный тип.

Валентина съежилась от легкого морозца, пробежавшего у нее по спине. Ей стало немного не по себе.

– А по мне, – произнесла мечтательно ее коллега, – он очень даже красивый...

Раздосадованная такой легкомысленной речью подруги, Валентина махнула рукой и отправилась завершать свой рабочий день. Ей нужно было обойти все залы собственноручно, ничего не упуская.

Беспокойство сменилось еще более сильным чувством удивления, когда она подошла к мемориальному залу, где были представлены художники восемнадцатого века.

С одного из полотен смотрела та самая грустная блондинка, портрет которой Валентина сегодня принимала от незнакомцев в дар музею. «Портрет Софии Шарлотты, жены царевича Алексея», – прочла она надпись под картиной. Впрочем, ей не нужно было лишний раз видеть эти надписи, адресованные в основном посетителям музея. Ей, как знатоку живописи и истории, хорошо было известно, кто изображен на портрете. Это был портрет юной герцогини, невестки Петра Великого, и матери императора Петра Второго, такой, какой она была до своего несчастливого замужества... Это

был аналог, второй портрет, точно такой же!

«Как же может такое быть? Два одинаковых портрета?» – озадаченно думала Валентина, торопливо шагая домой.

Только сейчас, немного передохнув в тени деревьев и кустарников на углу Посадского, она немного успокоилась. Но тревога и смятение не отпускали ее. Картина, висевшая уже несколько десятилетий в зале Радищевского музея, портрет Софии Шарлотты, была в единственном экземпляре. Об этом знают все исследователи. Откуда же взялся второй экземпляр?

«Нет, такого не может быть. Картина действительно не подделка, это видно. Возможно, более поздняя копия...»

«Ничего существенного не произошло,» – подумала она, удивившись, как легко она сегодня сама себя накрутила. «Просто, наверное, моя нервная система сегодня была слегка перегружена.»

Легкий вечерний ветерок теребил верхушки деревьев, раздувая паруса занавесок в темнеющих окнах домов.

– Май... май... как хорош май, – шептал прохладный ветерок, играя с длинными волосами Валентины.

Она поплелась дальше, радуясь после дневной духоты помещений весенней прохладе улиц.

– Разрешите вас проводить, мадмуазель! – произнес кто-то неизвестный.

Она обернулась. Позади никого не было, кроме парочки влюбленных, целующихся у входа во дворик. Вокруг царила

полная идиллия, – улица была наполнена людьми, которые сновали мимо, совершенно не обращая внимания на одиноко стоящую девушку. Валентина растерянно поводила глазами. Тот, кто наблюдал за ней, весело рассмеялся. Смех был приятный, но хранитель все равно насупилась, – ее крайне раздражало, что собеседник по-прежнему невидим.

– Я здесь, – весело произнес кто-то сверху. Подняв голову, она увидела балкон старого дома, и того темноволосого парня, посетившего ее утреннюю экскурсию.

«Так вот где они обосновались!» – подумала Валентина, оглядывая дом.

«Хороший дом, безлюдная улица»...

Волна негатива вновь захлестнула ее сознание, и она, нахмурившись, решительно зашагала прочь, не ответив на предложение.

Она старалась из всех сил идти быстрее. Удовольствие от прогулки пропало, и бурлящий май мгновенно перестал ее волновать. Дойдя до ближайшей остановки, Валентина решила поехать на автобусе, – так быстрее и короче.

– В этом красивом платье вы очень заметны. Даже если бы я и хотел, но не смог бы пройти мимо...

Она вновь увидела перед собой незнакомца, назвавшегося Андреем. На этот раз Валентина очень хорошо разглядела его лицо, – тонкие, изящные черты, красивые светло – зеленые глаза и волевой, слегка небритый подбородок. Мягкая волна темных волос загораживала крупный лоб и сдвинутые

на переносице брови. Нет, никакой он не кавказец. Самый настоящий... француз.

– Вы меня преследуете? – Валентине внезапно пришла в голову мысль, что дожидаться автобуса на остановке было крайне плохой идеей.

– Нет, отнюдь. Утром, кажется, я немного неприлично вел себя на вашей экскурсии, – виноватым голосом произнес мужчина, но Валентина обратила внимание, что в его глазах не было ни капли раскаяния.

– Экскурсии для меня – это святое. Вам нет прощения, – без тени кокетства произнесла хранитель.

– Я почему-то так и думал, – печально, со скорбью в голосе сказал незнакомец и глаза его сверкнули озорным зеленым отсветом. – Но все-таки я второй раз рискну попросить прощения.

«Слишком красивый, довольно образованный, но до неприличия приставучий. Не иначе, обыкновенный аферист и бабник».

Она читала о подобных кавалерах в детективных романах. Сначала они втираются в доверие к наивным женщинам, а потом крадут картины. При этом несчастные невесты могут еще и жизнь поплатиться.

Почва ушла из – под ног Валентины от этих мыслей, и она, теряя самообладание, опрометью бросилась вдоль по улице, натываясь на ошарашенных прохожих.

«Когда же закончится этот сумасшедший день» – произ-

несла она шепотом, размышляя, куда бы вновь свернуть, чтобы избавиться от навязчивого собеседника. Обернувшись, она заметила, что парень не пошел за ней, а так и остался стоять на остановке.

«Опять я себя накручиваю», – вновь пронеслось у нее в голове, когда она, обессиленная, поднималась вверх по лестнице в свою маленькую квартирку на третьем этаже «сталинки». Дверь встретила ее привычным скрипом, домашние тапочки терпеливо дожидались на прежнем месте.

– Я дома, – сказала она фикусу, стоящему на подоконнике. Затем, подойдя к шкафу с встроенным в него зеркалом, несколько минут напряженно вглядывалась в свое собственное отражение. Из темноты на нее смотрела женщина с типичной русской внешностью – голубые глаза, слегка уставшие уголки рта и русые волосы, собранные на затылке. «Ничего особенного» – сказала она себе, впихивая ослабевшие ноги в мягкие тапочки. Ее вечер всегда был распisan по минутам. Немного кофе ее взбодрит. Затем нужно принять душ и поужинать в тишине. Перед сном Валентина любила прочесть пару страниц какой-нибудь хорошей книги. Только и всего.

Она без особого энтузиазма сварила кофе, приняла душ, облачившись в белый полотняный халат, затем, выудив из холодильника фрукты, вышла на балкон.

Ночь уже спустилась на город, накрыв его туманом серебристых звезд. Здесь, в исторической части города, они были

особенно хорошо видны. Теплая погода не поменялась, напротив, воздух приобрел еще больше остроты от приторного запаха цветущих каштанов.

– Боже, а в этом халате вы просто прелесть, – произнес кто-то знакомый, и Валентина от неожиданности чуть не выронила тарелку с фруктами.

На этот раз они поменялись местами. Валентина стояла на балконе, а под ним, задрвав голову, словно изучая звезды, стоял ее прежний собеседник.

«Господи, какой ужас. Он меня выследил, – пронеслось в голове Валентины, опрометью бросившейся вглубь комнаты. – Сейчас он поднимется в квартиру и убьёт меня».

– Не стоит так пугаться, – донеслось с улицы. Валентине показалось, что незнакомец говорил сквозь смех. Ему явно доставляло удовольствие ее пугать до полусмерти. — Не бойтесь, я не маньяк!

Последняя фраза была сказана с явным издевательским смешком.

3

*Франция. Париж, район Сен-Жермен-де Пре, май
2018 года.*

Максимилиан, самый младший из клана известных политиков Франции, молча сидел в кресле в кабинете своего отца, обхватив голову руками. Пьер Роджери взирал на сына свирепым взглядом, словно на заклятого врага. От его крика, срывавшегося на визг, и слышимого во всех отдаленных уголках огромного здания, у юного повесы помутился рассудок, и он, ничего не соображая, рассмеялся в лицо разъяренному отцу, за что немедленно получил хорошую затрещину. Придерживая пунцовую щеку рукой, Максимилиан тяжело встал и последовал в гостиную, где его ожидал перепуганный слуга. Молодой человек выхватил из его рук бутылку вина, и отпил прямо из горла, не дожидаясь, пока нерасторопный Жорж поднесет ему фужер. Голова его нестерпимо раскалывалась от жестокого похмелья. Он напряженно вглядывался в пустое пространство стены, где еще вчера висела картина неизвестного художника, которой так дорожил отец.

Вчера он, будучи мертвецки пьяным, совершил очередную глупость, за которую ему, самому младшему отпрыску клана Роджери, придется отвечать. Скорее всего, он отправил брату в Россию именно это произведение. Его пьяный

мозг в тот злополучный день различил только одно: «Неизвестный художник». Раз художник неизвестный, значит, картина не такая уж ценная, подумал пьяный Максимилиан, срывая полотнище со стены в картинной галерее отца.

Кто бы мог подумать, что это вещь стоила кучу денег! Да еще вдобавок была редкой картиной эпохи Короля – Солнце. На картине была изображена какая-то герцогиня, которая находилась в родстве с русскими царями. Самое ужасное, эта картина была семейной реликвией. Она принадлежала роду де Сегюр, с которыми были в родстве родители его матери Катрин. Об этом полотне Максимилиан и Андрэ знали с детства.

Отец много раз рассказывал им, что этот портрет напоминал ему о юности, когда они были детьми и дружили все вместе, – он, его будущая жена и Серж Этьен, друг отца. Эти белоснежные локоны, крупный нос и огромные грустные глаза, немного детское выражение лица с надутыми губками герцогини Вольфенбюттельской до удивления напоминали Катрин в ее юные годы. Впоследствии она была символом их семьи. Более того, ценной реликвией, с которой отец и мать не расставались, несмотря на частые переезды в самом начале их брака. Как же он, знавший об этом, мог так поступить?

Максимилиан со слезами поднялся в свою комнату, заперев за собой дверь. Он опустился на кушетку, осторожно, чтобы виски снова не взорвало от боли. Молодой повеса был в отчаянии.

Немного покопавшись в своем мобильном в поисках нужного телефонного номера, он набрал Андрэ. Ему не терпелось узнать, как все прошло. Вчера его старший брат рассказал ему, как замечательно проходит отпуск, организованный известным на весь Париж сыном русского олигарха Антоном Левиным. Антон учился вместе с Андрэ в Сорбонне и стал одним из самых закадычных друзей Роджери. Молодым людям стало скучно от бесконечных посещений увеселительных заведений во Франции, и они отправились в Москву. Парни решили, что их забавы должны быть более изощренными, и поэтому вскоре покинули пределы русской столицы, и через несколько дней очутились в родном городе Антона – Саратове.

Андрэ не терпелось посетить юг России, увидеть легендарную Волгу, посидеть на берегу с удочкой. А самое главное – он хотел познакомиться с какой-нибудь провинциалочкой, напроць лишенной светских манер. Это же так здорово, – какая-нибудь кроткая Маша или Даша в хлопчатобумажном платье будет смиренно внимать каждому его слову... А он ей будет raconter des saïades³!...

Андрэ описывал быт и нравы россиян, девушек, с которыми их сводила и разводила судьба по пути в Саратов. Подробно он остановился на внешности своей избранницы, некоей Валентины Поляковой из провинциального музея.

---

³ «Раскладывать салат» (франц.), что примерно означает то же самое, что и по —русски – «вешать лапшу на уши».

Эта светловолосая и голубоглазая красавица оказалась хранителем картин!

Максимилиан слушал их болтовню по скайпу, и завидовал им самой горькой завистью. Ему самому давно осточертели вечерние тусовки с моделями, актрисами, которые были похожи друг на друга как две капли воды, – все сплошь раскрашенные, разодетые в узорочье, как яйца Фаберже. Боже, наконец, они нашли жертву! Андрэ с удовольствием делился историей о том, как он ее преследовал, и как она в ужасе убежала от него.

Трюк с картиной придумал Антон, чтобы эта девушка, не такая уж и простушка, как показалось на первый взгляд, поверила им. Сначала Максимилиан думал было их отговорить, – выслать картину, украденную у отца из его галереи, – это не очень хорошая затея! Отец убьет их обоих! Но Андрэ заверил младшего брата, что Пьер давно забыл, сколько картин у него есть в наличии в его огромном доме в районе Сен-Жермен-де-Пре. Одной больше, одной меньше!

Картина была выслана рано утром. Курьер доставил ее на почту и отправил по указанному Андрэ адресу в Россию ровно в полдень. А следующим вечером явился сам Пьер Роджери собственной персоной в компании своих приятелей из Национального собрания. Ему, конечно же, хотелось похвалиться своим редкостным собранием произведений. Увидев пустое пространство на месте, где висела «Герцогиня», отец впал в такую ярость, что напугал даже Жоржа, выдав-

шего всякое в их эксцентричной семейке.

И вот сегодня, с самого раннего утра, отец выносил мозг всем, кто попадался под руку. Он метался из угла в угол, не находя себе места. А через пару часов нагрянула полиция в полном составе, включая строгого надутого комиссара и его многочисленных помощников. Еще через час прикатила пресса со всех телеканалов Франции. От всего этого у Максимилиана голова разболелась еще больше. Он едва соображал, что происходит.

В доме скопилось столько людей, сколько не было за последние пять лет, с тех пор, как умерла их мать, известная актриса Катрин Роджери. С ее смертью многочисленные вечера для высокопоставленных персон прекратили свое существование.

Максимилиан немного загрустил, глядя на ее портрет, который висел в комнате. Ее смеющееся лицо в оправе шикарных волос напоминало ему старшего брата Андрэ, – он был сильно похож на мать. Максимилиану было пятнадцать, когда Катрин погибла в аварии. С ее гибелью отец стал совсем другим. Теперешнюю его жизнь составляли только сплошь рабочие командировки, политические собрания, светские рауты и, конечно же, женщины. Последнюю из своих многочисленных любовниц он даже перевез к себе в особняк в квартале Марэ, но это, видимо, не спасало его от внутренней боли и одиночества.

Первым делом Пьер заставил полицию проверить все вхо-

ды и выходы его огромного дома, обшарить густо заросший сад и прилегающие улицы. Затем, теряя самообладание, уволил всех слуг, оставив только Жоржа, своего старого проверенного управляющего. Максимилиан, глядя на все это, обхватил голову руками, старательно пряча глаза. От страха у него стучали зубы. Его хорошенькое, миловидное лицо двадцатилетнего повесы имело крайне глупое выражение.

«Боже, что мы натворили... Если картина всплывет в России, в провинциальном музее...»

– Не волнуйся, ничего не всплывет. Бьюсь об заклад, наша картина из коллекции папы – это, скорее всего, подделка. Музейщики вернут ее обратно. И тогда все будет хорошо. А пока полицейские пусть поищут. Пусть отрабатывают деньги налогоплательщиков, – рассмеялся Андрэ.

Но самому Максимилиану было не до смеха. Через полчаса его вынужденного затворничества в собственной комнате к нему поднялись полицейские. Битый час его допрашивал сам комиссар, но не смог добиться ни одного внятного ответа. Положение спас Жорж, который сказал полиции, что молодой господин спал всю ночь в своей комнате на втором этаже. То же самое он сказал и его отцу. Максимилиан с благодарностью всунул в руку управляющего пару сотен евро и исчез из поля зрения. Он отправился к себе, в свою квартиру неподалеку от музея Пабло Пикассо, которую ему подарил отец на совершеннолетие.

Только к вечеру он осмелился вернуться домой, в их дом

в районе Сен – Жермен де Пре. Он долго бродил по комнатам в поисках отца и нашел его в оранжерее, соединяющей основной корпус здания и соседний гостевой домик. Пьер сидел на скамье, горестно опустив голову. Его руки дрожали, а голос был чужой и хриплый. Он говорил сам с собой, вздрагивал и плакал.

– «Шарлотта», моя дорогая «Шарлотта», – донеслось до Максимилиана, и заставило его содрогнуться...

– Шарлотта, моя дорогая Шарлотта... Подойди ко мне, дитя мое...

Герцог улыбнулся, протянув девушке свою тонкую бледную руку, унизанную драгоценными перстнями. Шарлотта сделала реверанс, немного робея и путаясь в длинном шлейфе платья. Ее худенькие плечи дрожали. Маленькой немецкой герцогине было всего пятнадцать, – возраст, который уже вполне считается брачным.

Она давно покинула родителей и родной Вольфенбюттель, поселившись под опекой дальней родственницы— польской королевы Кристианы Бранденбургской. Вначале она воспитывалась при дворе Августа Сильного, ее супруга, в Дрездене, затем переехала в Торгау, где стоял двор королевы. Все эти переезды сделали ее жизнь невероятно насыщенной. Ей приходилось постоянно перестраиваться, – при дворе польского короля царили одни порядки, при дворе королевы, с которой король был в фактическом разводе и открыто жил со своими фаворитками, были другие. Сегодня же ее впервые пригласил аудиенцию ее

родной дед, герцог Антон Ульрих Брауншвейгский, глава их дома. Решался очень щепетильный для Вельфов вопрос, – вопрос замужества Софии Шарлотты.

– Оставьте нас, господа, – приказал герцог, обращаясь к подданным. Шурша платьями, дамы и сопровождающие их кавалеры немедленно ретировались. У трона остался лишь личный секретарь правителя.

– Шарлотта, наконец, мы сможем поговорить наедине.

Девушка вновь поклонилась, и по знаку приблизилась к трону. Теперь ей был отчетливо виден припудренный завитой парик, обрамлявший усталое лицо Антона-Ульриха, ее деда, главы дома Вельфов, старинного немецкого рода, к которому принадлежала и она, маленькая герцогиня Вольфенбюттельская.

– Я нашел тебе жениха, моя дорогая.

Плечи Шарлотты, обернутые в красивый шелк, дернулись, словно кто-то сильно ударил ее по спине. Затем она выпрямилась и подняла глаза, нежно-голубые, полные слез и отчаяния. Перспективы покинуть все то, к чему она привыкла, и милую ее сердцу королеву Кристиану, вовсе не радовали ее.

– Кто же он, Ваша светлость?

Герцог радостно сверкнул глазами. Это была настоящая удача! Антон-Ульрих мысленно поздравлял себя. Неслучайно его считали одним из умнейших пра-

вителей Европы, человеком разносторонним, хитрым и расчетливым.

– Это самый замечательный из всех молодых людей Европы, дорогая! Ты будешь по праву гордиться им!

Он сделал знак секретарю. Тот с поклоном скинул легкую завесу с полотна, которое стояло в углу приемной залы. Герцог тяжело поднялся со своего трона, взял Шарлотту за руку и подвел ее к портрету.

– Знакомься, это его Величество король Швеции Карл Двенадцатый, из рода Пфальц – Цвейбрюкен.

У Шарлотты на минуту закружилась голова. Не отрывая взгляда, она заворуженно смотрела на портрет красивого юноши с большими глубокими глазами в обрамлении золотых кудрей. Его высокая фигура, затянутая в красивый темно-синий сюртук, подбитый леопардовым мехом, возвышалась над долиной, где шел бой.

– Тебе нравится жених? – лукаво спросил герцог, видя смущение своей внучки.

Конечно, жених был стоящий. Правда, в Стокгольме, в своей резиденции, Карл не показывался уже добрых восемь лет... Говорят, он был совершенно равнодушен к женщинам. И тем не менее, он был прославленный, горячий и непобедимый, как судачили о нем во всех европейских дворах. Впрочем, Европа и без того нынче была не обильна женихами. Во Франции

доживал свой век престарелый Людовик, забывший о приличиях, и открыто сожительствующий с обычной графиней. У короля Нидерландов рождались одни дочери. Неслыханно! Не отдавать же любимую внучку за иноверца! Есть еще, конечно, сын царя Петра, цесаревич Алексей... Но вот уже восемь лет Россия и Швеция мерились силами, затянув в свой конфликт все европейские дворы. Конечно, если Карл проиграет, будет конфуз. Неизвестно, как сложатся обстоятельства.

– Премного благодарна, Ваша светлость...

– Ступай, дорогая... Завтра к тебе пришлют живописца... Отправим Карлу ответный подарок.

Шарлотта удалилась. Он посмотрел ей вслед, улыбаясь ее хорошенькой осанке.

– Чудо, как хороша!...

Герцог остался стоять у портрета Карла, разглядывая его, как будто увидел впервые.

– Проклятье... Как бы не прогадать... Как думаешь, – старик повернулся к секретарю, замершему у стены в молчаливом поклоне, – чем закончится война с этими русскими? Я искренне надеюсь, что победят шведы... Все же этот мальчишка Карл должен умыть этого неотесанного дикаря Петра...

Герцог рассмеялся, вновь усаживаясь на троне.

– Хотя Петр, на мой взгляд, не так-то прост, как ка-

жется, – добавил он, задумчиво глядя куда-то в сторону. – нам надо немного потянуть со свадьбой... Неси сюда бумаги. Нам надо просто наблюдать со стороны... Время еще терпит... Итак, приступим...

5

Франция. Вилла Монморанси, местечко в центре Парижа, апрель 2018 года, за несколько дней до поездки Андрэ и Антона в Россию.

– Итак, приступим...

Серж Этьен Верьес минуту молча взирал на своего помощника. Одна его рука висела плетью вдоль высохшего тела, укутанного в плед, другая теребила четки, старательно вырезанные искусным камнерезом из крупных зерен балтийского янтаря. Этот взгляд старого политика не выражал ничего, кроме равнодушия, но юный помощник, немного поколебавшись, склонил голову перед его непроницаемым лицом. Он понимал своего патрона как никто другой, – за этой маской равнодушия скрывалась мятежная, полная страсти, душа.

Верье был на вид необыкновенно стар, хотя ему было всего лишь шестьдесят пять, но все еще умен и прозорлив. В молодости ему многое было по плечу. Трудно было поверить, что это безжизненное тело было когда-то полно энергии, а мозг талантливого политика генерировал идею за идеей. Когда – то его имя приводило в трепет многих высокопоставленных особ, – министров, президентов и королей по всему миру. Со многими политическими деятелями Франции,

известными и неизвестными, он был знаком лично. Кое-кто до сих пор иногда заглядывал к нему на его старинную виллу в этом загадочном для простого обывателя Парижа местечке, носящим имя знаменитой графской династии Монморанси. В его дом, выстроенный в арабском стиле, с фонтанами и бассейнами на фоне белоснежных стен, было не так-то просто попасть. Впрочем, посетители бывали здесь крайне редко. Время Сержа Верье ушло, ушло безвозвратно.

Его помощник, напротив, был молод и хорош собой. Обязательность и простота его внешности подкупали безоговорочно, и через минуту общения с этим милым юношей начинало казаться, что вы знакомы сто лет. Он был из семьи русских эмигрантов, приехавших во Францию в девяностые годы, крайне сложные для России. Он был довольно образован и хорошо говорил как по-французски, так и по-русски. Скорее всего, его родители постарались и дали ему образование во Франции, – молодой карьерист окончил парижский университет. Во всяком случае всем, кого он встречал, этот малый рассказывал о себе именно такую информацию. Верье замечал за ним огромную амбициозность, необыкновенный талант перевоплощений, аналитический ум, хитрость, и возлагал на него большие надежды. За приличные деньги этот человек готов был служить Верье безоговорочно, выполняя самые немислимые поручения. Старику нравилось, что его помощник никогда ни о чем не спрашивал и молча делал свое дело.

Новый план был уже разработан и требовал небольших корректировок. Старик все еще сомневался в удачном проведении их мероприятия.

Они находились в большой гостиной, убранной в арабском стиле. Она казалась неудобной, слишком помпезной, но подходила для приема гостей, и раньше, в бытность Верье министром, служила ему именно для этих целей. Старика раздражала эта резная мебель, затянутая голубым китайским шелком, – воспоминания о былом все еще терзали его сердце.

– Ты хочешь сказать, они решили сделать ставку на этого сосунка? – произнес он с ощущением полной безысходности. Внешне это никак не проявлялось, – холодное морщинистое лицо старого политика, на котором не были видны никакие эмоции, по –прежнему было безжизненным.

– Да, именно так, месье.

Верье слегка усмехнулся. Он был уже стар, но не настолько, чтобы не помнить этого человека, который перешел когда – то ему дорогу. Благодаря этому мерзавцу Пьеру Роджери, его мечты стать премьер-министром были потеряны навсегда. И вот сейчас он, сидя на своей вилле, в центре Парижа, всеми забытый и никому неинтересный, узнает, что, возможно, новым главой французского парламента станет сын этого проходимца!

– Это только слухи, месье.

– Мда, – мрачно произнес Верье. – Республиканцы совсем

спятили, если сделали ставку на этого мальчишку.

Помощник склонил голову, размышляя, стоит ли вставить фразу именно сейчас, или не стоит раздражать старого политика еще больше. Он всегда тонко чувствовал его, и находил нужные слова для ободрения.

– Видимо, больше не на кого, месье, – все же произнес он, чтобы как-то успокоить своего патрона.

– Или он удобная пешка в чужой игре, – прошептал старик, вздыхая. – Бедная моя Франция!...

Он немного помолчал, изучая ландшафт своего газона, виднеющегося из окна. Там, на краю огромного сада, в белой тенниске весело отбивая мяч, прыгала его единственная дочь Исабель. Он слышал ее голос, и еще больше мрачнел. Если так пойдет и дальше, чтобы насолить Роджери, он разыграет свою последнюю карту...

Изабель – красавица. И глупая, как пробка от бутылки бургундского. А что еще нужно для женщины, чтобы быть по-настоящему счастливой? Умная женщина – это катастрофа. Верье боялся умных представительниц прекрасного пола. Однажды ему это стоило дорого, когда он, совершенно потеряв голову от известной актрисы Катрин Роджери, нажил себе врага. Катрин оказалась умной и хитрой – ловко обманывала и этого глупца Пьера, и его самого, Верье. Крутила ими обоими. Счастливчик Пьер оказался более удачливым в любви...

Он мучительно сморщился, пытаясь вспомнить жизнера-

достное лицо Катрин. Оно все время ускользало от него, словно призрак, и старик подумал, что, наконец-то, спустя много лет, эта щемящая, острая боль, потихоньку стала его отпускать. Он нажал кнопку на своем инвалидном кресле, и оно с легкостью переместило его в другую комнату, где размещался его кабинет. Помощник последовал за ним, услужливо отворяя перед ним мощные дубовые двери.

Переместившись в свою спальню, он мрачно воззрился на портрет красивой женщины, висящий на стене. Молодой парень тайком взглянул на старика и усмехнулся. Он знал, кого напоминает старику это полотно известного фламандского художника семнадцатого века, – это яркое, миловидное лицо с ослепительной кожей и мягкими волнами золотистых кудрей напоминало ему Катрин Роджери...

Верье закрыл глаза. Может, приказать, чтобы убрали этот портрет? Он долго и мучительно размышлял. Ясно одно, – легче ему после ее трагической смерти не стало.

Он вдруг отчетливо услышал смех Катрин. Она снова весело рассказывала ему, как провела свои рождественские каникулы у старой тетки Констанц. Он видел ее остренькие зубки, дразнящие своей белизной, маленький пухлый ротик и огромные зеленовато-синие глаза... Напрасно он думал, что обретет покой и удовлетворение. Желал ей смерти. Ей и Пьеру...

– Интересно, а на ком женат этот сопляк? Это было бы любопытно узнать...

– Он еще совсем не женат, месье, – с улыбкой произнес помощник, предвкушая сюрприз, который он сейчас преподнесет своему господину. – Но, говорят, он обручен с дочерью Оливье Ревю.

Старик не повел и бровью, но его душа похолодела. Конечно, он помнил этого хитроумного бывшего банкира Ревю из команды республиканцев. Того самого, который перешел ему дорогу весной и летом 2017 года, после сокрушительного проигрыша социалистов на выборах.

– И когда свадьба?

– Вы же понимаете – союз Роджери и Ревю – это что-то с чем-то...

Союз крупного банкира, известного на весь мир своими аферами и торговлей наркотиками, и скандального министра с темным прошлым... Да, Франция такого еще не видела...

Верье судорожно сглотнул. Кажется, это неизбежно. Помощник открыл папку, которую все не решался положить на стол перед своим патроном. Внутри лежала одна – единственная фотография молодого улыбающегося парня. Тонкие черты лица, светлые глаза смотрели искренне и открыто. Верье взглянул на это, полное жизни. Он видел фото этого парня, которое мелькнуло как-то в новостях. За такого проголосуют только потому, что он чертовски привлекателен. Все женщины Франции пойдут за него голосовать, если бы он баллотировался в президенты. Но понравится ли подобная кандидатура в качестве премьеря самому президенту?

– Ну что ж, посмотрим... Значит, его зовут Андрэ Роджерри...

Он вновь внимательно посмотрел на фото молодого улыбающегося парня.

– Мне нравится их план. Они хотят, чтобы этот марионетка прикрывал задницы проворовавшихся подлецов – олигархов и им все сходило бы с рук и дальше... Вот их проект. Но я, Верье, внесу в него свои некоторые коррективы...

Помощник слабо улыбнулся. Он молча поклонился, и уже было повернулся, чтобы покинуть стены кабинета.

– Задержитесь, Антон, – сказал ему Верье без всяких церемоний. – я хотел бы уточнить еще кое-что. Так, когда вы с Роджерри вылетаете в Россию?...

6

Россия, Саратов, май 2018 года

– Ты спятил, Андрэ. С какой стати ты преследовал эту девицу? А если бы она вызвала полицию? По- моему, с ней итак все ясно. Типичный «синий чулок».

Антон разочарованно смотрел на своего друга и удивленно взирал на его жизнерадостное лицо. Он давно не видел Роджери в таком хорошем расположении духа. Что это с ним такое приключилось?

– Я неплохо повеселился, старик, – рассмеялся в ответ Андрэ.– Это самые шикарные русские каникулы в моей жизни!

– Аааа, я, кажется, понял, – подняв указательный палец вверх, произнес Антон. – Месье надоели гламурные девицы из лучших домов Франции. Месье захотелось простушку из русской провинции. Для этого ты попросил привезти тебя на мою родину в Саратов?

Роджери рассмеялся.

– В самом деле, думай, что хочешь. Но знай – лучше, чем сегодня я себя никогда не чувствовал! Жизнь вдруг обрела совершенно новый смысл!

– Так, так, – нахмурил брови Антон, – может, тебе жениться на этой девице и стать редким французом, живущим

на берегу Волги?

– А что в этом плохого, Антон?

– А что в этом хорошего? Ты же понимаешь, что твой отец задумал. И ты же не откажешься от Дэниз?

Улыбка Андрэ исчезла, словно ее и не было на его жизнерадостном лице. Антон снова увидел настоящий вид будущего политика- жесткий профиль, с четко очерченным волевым подбородком, с узкими прищуренными пронзительными глазами. Но это были лишь секунды. Через минуту Андрэ снова был добродушен и улыбочив.

– Давай не будем об этом, – резко оборвал он друга. – Хотя бы эту неделю. Ты же знаешь, – как только я вернусь во Францию, начнется ад... Я хочу отдохнуть и спокойно пожить хотя бы неделю без всего этого...

– Ну хорошо... И что ты намерен делать ближайшую неделю? – насмешливо спросил Антон. – Переспать с той девицей и исчезнуть?

Андрэ усмехнулся.

– Я чертовски напугал ее. Думаю, это будет не так легко...

– Тогда представься ей. Скажи ей, кто ты такой. Не забудь упомянуть род де Сегюр, чья кровь течет в твоих жилах. И она будет твоя...

– Рассказать всю свою родословную? — Андрэ расхохотался. – И она упадет в обморок, что я родственник английских королей? Да нет, это не важно. Я просто хочу развлечься. Что обычно любят русские женщины?

– Поверь, они всеядны. Цветы, плюшевые медведи и рестораны.

– А как же драгоценности и автомобили?

Антон рассмеялся.

– Таких простушек, как эта сотрудница музея, автомобилями и бриллиантами ты скорее отпугнешь.

– Удивительно! – воскрился Андрэ. – Завтра я куплю ей сотню медведей!

– Не переборщи, – расхохотался Антон. – Она подумает, что ты ограбил магазин и заявит на тебя в полицию.

Они бродили по проспекту, выбирая цветы для Валентины. Женщины, продающие на углу Чапаева и Кирова, огромные букеты, громко подзывали молодых людей. По всем было видно, это эти двое довольно состоятельные джентльмены. Роджери, недолго размышляя, купил огромный букет роз, опустошив сразу несколько корзин у ошарашенной цветочницы.

– Валентина сегодня не пришла на работу. Она плохо себя чувствует.

Андрэ не ожидал такого поворота событий. Он добирался сюда, на Радищева, с букетом наперевес, а этой девушки и след простыл!... Раздосадованный, он молча кивнул пожилой женщине – вахтерше, сидящей у входа, и ретировался. Огромный букет цветов, торчащий за его спиной, произвел большое впечатление на женщину. Такого количества дымчато-пепельных роз она не видела никогда.

– Возьмите, мадам, это вам, – протянул он букет пожилой даме. – В честь нашего знакомства!

С Антоном они разработали хороший план, но он провалился, – хранителя не оказалось на работе. В отчаянии они переглянулись, – может, это вовсе не ее хитрость, и она действительно заболела?

– Ничего, не каждый же день она будет отсиживаться дома, – успокоил друга Антон.

– Но у меня осталось всего шесть дней.

– Времени куча. Доверься мне.

Друзья разработали новый план и вновь принялись за его осуществление.

– Зачем тебе это? Может, остановишься, пока не поздно? Что – то мне кажется, это может плохо закончиться, —с тревогой в голосе произнес русский друг.

– Да ладно тебе, – Андрэ усмехнулся. – Весело же! Мы немного развлечемся, а потом я уеду.

На этот раз он решил подъехать к дому своей избранницы.

У серой, невзрачной «сталинки» Андрэ подмигнул подъехавшему мотоциклисту в черной куртке. Он облюбовал отличное место слежки, – уютное кафе напротив. К нему сразу же подошла красивая официантка, и Антон еще раз спросил своего друга:

– Ты все еще не хочешь отказаться от своей идеи очаровать эту девицу из музея? Я уверен, эта официантка не откажется с тобой сходить на свидание.

– Нет, мне нужна только она...

Ждать долго не пришлось. На этот раз удача была на их стороне. Через несколько минут он увидел вышедшую из дома Валентину. Она была снова в своем фиалковом платье, которое ей очень шло.

Андрэ вышел к ней навстречу. В его руке был красивый букет нежнейших темно-красных орхидей.

– Здравствуйте, мадмуазель Валентина. Как поживаете?

Девушка остановилась, и Андрэ увидел, как в ее глазах отразился страх. Она бросилась наутек так стремительно, и так неуклюже, что Антон, наблюдающий за ними в окно кафе, рассмеялся.

Внезапно ниоткуда взялся мотоциклист в черном шлеме, подъехал к девушке и с силой вырвал из ее рук сумочку. Затем вор зачем-то объехал свою жертву вокруг, и наткнулся на подбежавшего Андрэ. Тот одним ударом сбросил наездника, отобрал сумку, и, поклонившись, торжественно вернул ее удивленной владелице.

– Отлично сработано, – щелкнул пальцами Антон, наблюдающий за происходящим из окна.

Он заметил, как девушка, немного сконфузившись, приняла из рук спасителя сначала сумочку, затем цветы.

– Ну все, операция завершена, – сказал Антон, подмигнув официантке. Через минуту он в костюме полицейского отправился «арестовывать» похитителя.

Они шли по набережной, любуясь видами Волги и темно-

бордового заката. Валентина рассказывала ему историю города, какие – то красивые милые истории про жителей, – основателей больниц, строителей домов, героев войн. Андрэ слушал с вниманием, словно это были самые главные лекции в своей жизни. Валентина рассказывала с вдохновением, даже с каким- то пафосом. Остановившись у здания собора на Музейной площади, она с жаром рассказывала историю этой самой старинной церкви в черте города.

Он с удивлением заметил, что вечер давно закончился, на улицы медленно спускалась ночь, но ему не хотелось расставаться. Беседуя, они и сами не заметили, как дошли до дома Валентины. У ворот маячила чья- то фигура. В сумерках они не сразу разглядели высокую фигуру Антона. Он презрительным взглядом смерил Валентину, затем подошел вплотную к Андрэ.

– Привет, проказник, – сухо произнес Антон, подталкивая Андрэ к воротам. – Тебя ждут жена и дети, а ты тут прохлаждаешься.

Андрэ весело расхохотался, оценив непринуждённую шутку своего друга.

– Мадмуазель, – серьезным тоном произнес Антон, – не задерживайте господина Роджери... Его ждут дома.

Андрэ перестал смеяться, и весело произнес:

– Скажи что-нибудь еще, мне стало безумно весело!

– Весело ему... Что скажет Дениз, если узнает, что ты гуляешь с другой женщиной!?

Андрэ перестал улыбаться. Он испуганно обернулся к Валентине с намерением объяснить ей, что его друг сегодня явно не в себе. Девушка остановилась, все еще улыбаясь.

«Фуф, кажется, она не расслышала» – успокоил себя Андрэ.

Он взглянул на своего друга и прошипел, путаясь в русских словах:

– Ты что несешь? Я не помню, чтобы я был... эээ... вышел замуж.

– ....женился.

– Именно.

Глаза Антона гневно сверкнули в темноте.

«Сколько мне еще возиться с тобой, зажавшийся мажор», – подумал он, с презрением глядя на своего «друга».

– Андрэ, – его голос был немного жестковат и совершенно не походил на голос того Антона, которого так хорошо знал Роджери. Сейчас это был чужой русский, стоящий по ту сторону баррикад.

– Перестань издеваться над этой девчонкой, – тихо сказал он, четко выговаривая слова, словно вбивая клинья в бетон железным топором.

Андрэ молча попятился от такого напора, удивленно глядя на парня, кардинально поменявшегося на его глазах.

– Что на тебя нашло, старик? – спросил он, переходя на французский. Он снова мельком взглянул на Валентину. Она растерянно стояла в нескольких шагах от них, по всей

видимости, не понимая происходящего.

– Слушай, дружище, вокруг полно шлюх. Зачем тебе она? Ну, поматросишь ты ее, а дальше укаатишь в свою Францию, и адьё? Разве ты не видишь, – она простушка! Наивный, чистый цветок...

Андрэ с минуту размышлял над ответом.

– Как ты сказал? Поматросишь?... Что это значит, я не понял...

– Переспишь с ней из-за спортивного интереса, – сказал Антон по-французски.

Андрэ вновь стал серьезным, как никогда. Его глаза цвета спелой травы сверкнули странным огоньком.

– А что, если я влюбился?...

– Это не имеет значения, – прервал его Левин. – Ты женишься на Дениз. И у тебя нет прав соблазнять ни в чем не повинную жертву.

Андрэ стал выходить из себя, но кричать на всю улицу, даже перейдя на французский, они не могли. Вокруг сновали прохожие, торопливо проходящие мимо двух странных молодых людей, готовых с минуту на минуту наброситься друг на друга.

– В чем дело? Почему ты сейчас об этом заговорил? Ты мне помог, а теперь, когда я ее заполучил, и в шаге от награды, ты приходишь, и ломаешь весь кайф?

– Да, именно так, дружище.

– Ну почему? Что произошло?

– Мне стало жаль ее.

Антон из-под бровей посмотрел на Валентину.

– Жаль?? – переспросил Андрэ. – Если это тебя утешит, я положу на ее счет кругленькую сумму. Она будет счастлива, поверь мне...

Андрэ с удивлением заметил, как у русского сжались кулаки. Ему на секунду показалось, что Антон готов ударить его...

– Кретин. Ты думаешь, все можно купить? – сказал он по —русски, тихо бормоча слова на родном языке себе под нос.

– Говори, пожалуйста, по – французски...

Антон смягчил тон и дотронулся до плеча Роджери, стараясь говорить как можно четче.

– Ты видел себя в зеркало? Ты красив, умен и богат. Она уже по уши влюблена в тебя!!!...

Антон снова посмотрел на все еще стоявшую неподалеку Валентину. В его глазах читалась жалость. Его французский друг подошел к ней и обнял. Затем он вновь вернулся и произнес:

– Хочешь пари?

– Какое еще пари?

– Ты уверен, что я женюсь на Дениз?

– А куда ты денешься... От такой красотки уходят только на тот свет...

Антон улыбнулся, вспоминая жаркую внешность этой го-

рячей француженки. У него самого кровь закипала при виде нее всякий раз, когда он смотрел на ее холеную изысканную красоту.

– Если хочешь, можешь приударить за моей теперь уже бывшей невестой...

– В смысле? – глаза Антона округлились. Он испуганно оглянулся по сторонам. По его лицу, как по книге, Андрэ прочел, что в его душе творился явный переполох, словно его застали с поличным. Он ухмыльнулся.

Дениз умела нравиться. Роджери и сам был в шаге от влюбленности в нее, если бы не брезгливое презрение, которое он испытывал к ее отцу. А эта красотка, при всей ее привлекательности, очень напоминала ему своего папашу.

– Уже, что ли?...

– Что уже? – не понял Антон, постепенно превращаясь из нападавшего льва в побежденного и сникшего маленького нашкодившего кота.

– Уже переспал с Дениз?...

– Нет. Прекрати этот разговор, Андрэ... Как я могу, ты же мне друг...

– Ты сопротивлялся, я уверен. Но против нее устоит разве что автомат с газировкой.

Антон вздохнул.

– Она... она... приставала....да, – выдохнул он, словно эта неожиданная исповедь снимала с него тяжелые вериги. – Но... но... я... как автомат с газировкой... я... устоял.

Андрэ недоверчиво хмыкнул.

– Ладно. Мне наплевать. Если ты так переживаешь за свою соотечественницу, я женюсь на ней. На что спорим?...

– На твою картину. На «Герцогиню»... Если ты не женишься на Валентине, как обещал, я возьму ее себе.

Андрэ удивленно посмотрел на Антона. Он колебался. Картина была драгоценной семейной реликвией, последним напоминанием о маме. Отец очень дорожил ею. С минуту он молчал, размышляя, затем медленно произнес:

– Идет! А ты тогда работаешь на меня всю свою жизнь!...

Антон кивнул, ухмыляясь.

Затем после паузы, Андрэ хмуро кивнул в сторону Валентины:

– А теперь я хочу лишь одного. Чтобы ты проваливал сию же минуту.

Андрэ взял под руку растерянную Валентину и моментально исчез в подворотне. Внезапно его голова вновь появилась у решетчатого забора.

– Значит так... Нужен загранпаспорт на имя Валентины Поляковой. Наличными деньги. И еще. Позвони мадам Вильмон и скажи, что мне нужна женская одежда 44 размера из последней коллекции Валери Дюбуа к четвергу.

– Хорошо, господин Роджери, – с издевкой произнес Антон. – Что еще ты задумал?

«Господи, да он не шутит! – внезапно осознал он, глядя

на сверкающие в темноте глаза Роджери. – Он и в самом деле решил взять с собой Валентину!»

Он до последнего не верил, что Андрэ в самый последний момент все отменит, но перед ним был совершенно другой человек.

«Задача оказалась намного проще, чем я думал», – улыбаясь себе, подумал Антон. Он шел по улице Посадского, наслаждаясь ночной прохладой. Где-то вдалеке был слышен грохот припоздавшего трамвая, кажущийся ему неуместным посреди зеленой идиллии.

7.

Россия. Саратов, май, 2018 г.

– Это не подделка, это копия, и весьма искусная. Неизвестный художник при дворе герцога Вольфенбюттельского продублировал картину и написал ее повторно. Век тот же, восемнадцатый. Первая половина...

Они сидели в милом французском кафе в центре города, на открытой площадке. Вокруг сновали молодые официантки в черных льняных футболках с надписью «Стажер», но Андрэ впервые в жизни совершенно не интересовали их молодые и загорелые тела. Голос Валентины звучал, словно музыка. Андрэ уже был влюблен бесповоротно, это было очевидно. Его взгляд красноречиво говорил, что эта девушка была пределом его мечтаний. Он удивлялся сам себе, но за годы его юношества его никто не волновал так, как она. Он внимательно рассматривал ее всю, словно картину венецианского художника, – любовался ее точеным профилем, ее чуть раскосыми голубыми глазами и льняными волосами. Валентина была типичная русская красавица, сошедшая с полотен Маковского⁴. Он же был знаком с самыми красивыми моделями, не сходящими с подиумов всего мира,

---

⁴ К. Е. Маковский – русский художник – передвижник (конец XIX – начало XX вв).

но пустыми и никчемными. Однако в случае с Валентиной, вкуче с ее утонченной красотой, она была еще и на редкость умна. Венцом всего того, что было перечислено в плане ее достоинств, добавлялось еще и великолепное знание французского языка.

Ему было безумно скучно с Дениз и подобными ей. С Валентиной же было всегда интересно, – неизвестно, что ей еще придёт на ум. Последние шесть дней были самыми счастливыми в его жизни. Они потрясающе провели время, болтаясь по улицам старинного Саратова. Где еще он мог увидеть закат солнца над русским городом, стоя на возвышенности под названием Соколова гора? Где еще он мог пообедать, сидя на веранде прекрасного кафе в центре города? Все кругом было милое, простое и приятное, – словом, Андрэ был счастлив, будто он никогда и нигде не бывал. Все красоты ресторанов Парижа, Нью-Йорка, Лондона и Москвы теряли свое великолепие только потому, что здесь, по маленькой уютной улице южного российского городка рядом с ним находилась любимая женщина.

– Зачем же нужно было дублировать картину? – спросил он, задумчиво разглядывая ограду Троицкого собора. Они шли к Волге, чтобы вновь полюбоваться красотами реки.

– Как известно, этот портрет попал в Радищевский музей в 1928 году. Причем мало кто знал, что за женщина была на нем запечатлена. Потом стало известно, кто это. Видимо, этот портрет был написан специально для Алексея, це-

саревича и сына Петра Великого... Впоследствии она вышла за него, но этот брак не принес ей счастья...

– Если портретов было два, значит...

– Возможно, смею предположить, этот был написан для другого жениха... Если он оказался во Франции, то...

Валентина задумчиво склонила голову. Золотые блики играли в ее волосах, и Андрэ снова восхитился ее природной красотой. Боже, как же он жил без нее все эти годы?...

– Ее сватали за французского короля Людовика?

Девушка рассмеялась.

– Людовик был очень стар к этому времени... Вряд ли это он сватался... Она не пользовалась большой популярностью как невеста. Ее дед, тем не менее, хотел выдать ее за Карла XII, соперника Петра Великого в Северной войне со шведами. Поэтому один портрет вполне могли заказать для Карла, шведского короля.

– Это удивительно! – потрясенно говорил Андрэ. Он много раз слышал об истории этой картины от отца. Он почему-то безумно дорожил ею, и никому не позволял входить в галерею без его сопровождения. Подробности, которые сообщала ему Валентина, были новые для его слуха, и приятно удивили.

В любом случае, Андрэ очень нравилась вся эта история с картиной. Она добавляла пикантности к их стремительно развивающемуся роману.

– Но мы не можем принять эту картину. У нас уже есть

подлинник, и мы, скорее всего, откажемся от Вашего дара, – заявила Валентина, разводя руками.

«Ну, и славненько, – весело подумал Андрэ, вспоминая неллицеприятный разговор с младшим братцем. – Скоро картина будет дома».

Антон смотрел на этих двоих влюбленных с нескрываемым любопытством. Он находился неподалеку, в одном автомобиле с охраной Андрэ.

«Удивительный человек этот Роджери. Он либо глуп, либо хитер. Зачем ему соглашаться на этот авантюрный шаг? Женитьба Андрэ на русской девушке не входила даже в планы Верье! Но как он будет рад этому! Надо бы позвонить ему и сообщить это замечательное известие... Но сначала надо понять, зачем Андрэ эта девушка».

Антон не верил, что человек, имеющий такие честолюбивые мечты, мог влюбиться так легкомысленно. Если это так, то те, кто ставил на него в качестве премьер-министра, очень хорошие стратеги, потому что лучшей марионетки, которую так легко обмануть, им было не найти. После тщательной проверки нужно было подкорректировать дальнейший ход действий. Он стремительно вышел из автомобиля, отошел на приличное расстояние, и позвонил с мобильного телефона Верье. Старик мгновенно взял трубку, словно ожидал звонка.

– Он влюбился в нее, и, по- моему, хочет привезти ее в Париж, – коротко доложил Антон своему патрону.

Помощник сомневался, что получит новые указания. В любом случае, женитьба или связь с русской накладывали тени сомнения на Андрэ Роджери, учитывая современные политические реалии. Итак все шло хорошо, – Пьер получит массу отрицательных эмоций, когда узнает, что его сын, надежда республиканской партии, ведет себя крайне непредусмотрительно, отец Дениз, известный банкир, Оливье Ревю придет в бешенство, узнав, что помолвка расторгнута, а уж слезы самой девушки вообще никому не нужны. Хотя, впрочем, эту нахальную и вульгарную дочь бывшего наркоторговца Антон знал хорошо, – она в гневе была страшна не менее своего папаши.

В трубке помолчали, затем послышалось прерывистое тяжелое дыхание. Верье смеялся. Левин услышал эти хриплые звуки и заметно погрузстнел, – они означали, что старик скорее всего доживал свою последнюю весну.

– Ну что ж, – произнес Верье, растягивая слова, – теперь будем наблюдать и ждать катарсиса.

Франция. 7 округ Парижа. Пале-Бурбон. Июль, 2018 г.

Особняк мадам Клотильды де Митьон Пьер посещал крайне редко. Этот небольшой, поросший красивейшим плющом, дом в старинном стиле располагался в одном из самых престижных районов Парижа, где теперь проживали сплошь политики, артисты и прочие известные и обеспеченные люди. Прадед мадам де Митьон был когда-то потомком графа де Сегюра, того самого, который в свое время преданно служил королю Карлу Шведскому. Спеси и гордости по этому поводу ей было не занимать.

Муж мадам де Митьон, отец Катрин, старый ходок и страшный ловелас Виктор де Митьон, банкир и крупный меценат, был грозой всех парижанок. Ходили слухи, что в своем районе он не пропустил никого, – ни одной хорошенькой парикмахерши, заканчивая утонченными светскими львицами. Впрочем, он давно уже упокоился на кладбище Пер-Лашез, оставив свою вдову с дочерью, и в придачу – громадное состояние, нажитое удачными сделками.

Небольшой клан Роджери собирался здесь, в Пале – Бурбон, только в Рождество. Несмотря на внезапную смерть своей жены Катрин, бывший зять старался не нервировать тещу, без денег которой в свое время вряд ли бы чего добился. По-

этому своих многочисленных любовниц он держал подальше от цепкого взгляда своей жесткой и мстительной родственницы. Но сегодня новой жертвой для ненависти и мести станет невеста Андрэ, так что Пьер был спокоен насчет своей новой спутницы. Клотильда была единственным человеком, который мог поставить все точки над «и» в этой странной истории с женитьбой, – разубедить несчастного сошедшего с ума Андрэ в том, что брак с русской будет для него концом карьеры политика.

Это был вызов, причем вызов не только ему, Пьеру и всему клану Роджери! Это был вызов всей Франции, не смотря на толерантное отношение ко всем народам, проживающим в стране! Никто не мог обвинить Пьера в том, что он неправ, – в условиях санкций, направленных против России, сложностей в вопросе с Украиной, от русских нужно было держаться как можно подальше. А этот несносный мальчишка словно нарочно привел домой эту девицу из самого сердца России! Неслыханно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.